

Двадцать первый день, раннее утро. Нин Цзюэ завтракал, когда, подняв глаза, заметил, что Сунлу сегодня не так оживлена, как обычно, а на её миловидном личике застыло выражение тревоги. Он не удержался и спросил:

— Что случилось? Почему у тебя такой вид?

Сунлу открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но тут же осеклась.

— Если у тебя есть какие-то трудности, расскажи мне. Если я смогу помочь, то точно не останусь в стороне, — принялся успокаивать её Нин Цзюэ.

— Молодой господин, дело не во мне.

Сунлу замялась, а затем прошептала:

— Это Его Высочество... он ранен.

Ань Чунье был ранен. Говорили, что во время расследования дела он попал в засаду наемных убийц. Он получил глубокое ранение руки — лекарь сказал, что рана почти доходила до кости.

У входа в главную спальню Палаты Тяньшу слуга доложил о приходе гостя. Получив разрешение, Нин Цзюэ вошел внутрь.

Комнаты, соединенные анфиладой, были залиты солнечным светом, проникавшим сквозь резные окна из красного дерева. Под пологом из тонкой кисеи Ань Чунье, одетый в нижнее белье, полулежал на кровати. Его лицо слегка побледнело, волосы рассыпались по плечам — он совсем не походил на того уверенного в себе человека, каким привык быть, и сейчас выглядел непривычно слабым.

Нин Цзюэ подошел ближе, поклонился, не заходя за тонкую занавесь, и спросил:

— Ваше Высочество, как вы себя чувствуете?

— Кхе-кхе.

Ань Чунье прикрыл рот рукой и тихонько кашлянул:

— Все хорошо, рана неглубокая.

Его голос звучал слабо и безжизненно — совсем не похоже на легкое ранение.

Нин Цзюэ уже хотел было подойти ближе, чтобы взглянуть на рану, но Ань Чунье опередил его:

— А-Цзюэ, я хочу пить.

В комнате они были одни. Впервые кто-то назвал его А-Цзюэ, и сердце Нин Цзюэ дрогнуло. Даже мать, когда он был ребенком, звала его лишь Нин-эр. Ему дали имя Цзюэ, но никто никогда не обращался к нему так ласково.

Сделав шаг, Нин Цзюэ подошел к столу, налил чашку воды и, полный смятения, вернулся к кровати. Глядя на болезненную тень, застывшую на лице принца, он невольно проникся сочувствием.

Он протянул чашку обеими руками, и Ань Чунье, приняв её, сделал глоток.

Когда Нин Цзюэ собрался отступить, Ань Чунье вдруг схватил его за запястье и усадил на край кровати.

Нин Цзюэ не понял:

— Ваше Высочество, у вас есть еще какие-то поручения?

Ань Чунье покачал головой:

— Ты до сих пор не выполнил обещание о вознаграждении, о котором мы говорили в прошлый раз.

В прошлый раз?

Нин Цзюэ задумался и вспомнил беседу в беседке. Тогда он сказал, что хочет отблагодарить его, а принц ответил, что желает, чтобы Нин Цзюэ перестал называть его Ваше Высочество и перешел на второе имя — Чжифэй, Ань Чжифэй.

Нин Цзюэ поджал губы. Два слова застряли в горле, он колебался и не мог их произнести. Это казалось слишком интимным.

Ань Чунье, видя, как он пытается, но не может вымолвить ни слова, опустил взгляд:

— Это всего лишь обращение. Если не можешь — забудь.

Хватка на запястье ослабла. Нин Цзюэ невольно поднял глаза и увидел опущенные ресницы принца и его печальное выражение лица — вид человека, глубоко раненного предательством любимого...

Неужели это так важно?

— Ваше Высочество, между нами огромная пропасть в положении...

Не успел он закончить фразу, как Ань Чунье тут же отпустил его руку. Почувствовав, как изменилась атмосфера, Нин Цзюэ поспешно сменил тон:

— Для меня большая честь быть знакомым с Чжифэем.

Имя прозвучало неловко и тягуче.

Ань Чунье, однако, выглядел очень довольным. Он достал из-под подушки шкатулку и протянул её Нин Цзюэ:

— Открой, посмотри.

Темная шкатулка из сандалового дерева размером с ладонь была тяжелой.

Нин Цзюэ взял её и открыл. Внутри, аккуратно уложенная, лежала ярко-алая, как кровь, нефритовая подвеска. Она была тонкой сверху и округлой внизу, слегка изогнутой, в форме лепестка, гладкой с обеих сторон, без единого следа резьбы.

Нин Цзюэ взял её в руки: она была теплой и приятной на ощупь. Через узкий кончик подвески был продет черный шелковый шнурок, украшенный двумя красными агатовыми бусинами, которые гармонировали с формой лепестка.

— Это... нефрит?

Нин Цзюэ не разбирался в камнях, но этот был таким прозрачным и кроваво-красным, что сразу было ясно — вещь не из дешевых.

— Это Камень Синей Рыбы.

Ань Чунье взял подвеску из его рук, подцепил шнурок пальцами и мягко привязал её к поясу Нин Цзюэ:

— Случайно нашел её несколько дней назад. Стоило лишь взглянуть, как я сразу понял — она создана для тебя, и решил принести её.

Он не сказал, что получил ранение руки именно из-за этого камня: если бы он не попытался поймать его, когда тот едва не разбился, убийца не смог бы ранить его так глубоко, едва не лишив владения рукой.

На фоне светлой одежды подвеска на поясе смотрелась особенно эффектно. Нин Цзюэ нахмурился:

— Такая ценная вещь... Ваше... Чжифэй, почему бы тебе не оставить её себе?

Ань Чунье улыбнулся. Когда он впервые увидел этот камень, он сразу вспомнил Нин Цзюэ во

втором их свидании — в том красном одеянии, ярком, как огонь, и волнующем сердце.

Прекрасная вещь должна принадлежать прекрасному человеку, только тогда она не теряет своей ценности.

— Скоро объявят результаты экзамена. Я не смогу пойти с тобой, но буду ждать твоего возвращения здесь, в резиденции. Каким бы ни был результат, эта подвеска — мой тебе подарок, — прошептал он мягко, словно любовник.

Нин Цзюэ машинально коснулся узоров на камне:

— А если я не сдам экзамен, ты...

— Если не сдашь — снова приглашу тебя стать моим советником в резиденции.

Ань Чунье улыбался, но взгляд его был серьезен:

— Какой бы ни был итог, не бойся. У тебя всегда есть путь к отступлению.

Надо признать, Нин Цзюэ был тронут.

Какими бы ни были истинные цели Ань Чунье, его слова искренне задели струны души Нин Цзюэ. За все годы жизни он впервые по-настоящему почувствовал, что кто-то его ценит.

— Чжифэй, спасибо тебе.

Эти слова были сказаны от чистого сердца.

Спасибо за искренность, спасибо за то, что дал ему путь к отступлению.

Спустя семь дней на восточной стене у входа в Экзаменационный двор развернули алое полотно длиной в чжан, густо исписанное именами.

Весть о результатах Столичного экзамена разлетелась по городу. Родственники кандидатов и простые горожане устремились к Экзаменационному двору. Ань Чунье заранее распорядился подготовить карету, и Нин Цзюэ, выехав из резиденции Четвертого принца, направился к улице Чанъань.

Толпа у восточной стены бурлила. Кто-то восторженно кричал: Я сдал! Я сдал!, а кто-то со слезами на глазах вопрошал: Почему моего имени нет?

— Людей слишком много, господин. Позвольте, я схожу и посмотрю вместо вас, — предложил охранник, правивший лошадьми, глядя на хаотичное море людей.

Нин Цзюэ вышел из кареты. Его полы одежды развевались, и на фоне абрикосового цвета та кроваво-красная подвеска бросалась в глаза:

— Нет, я сам посмотрю.

Сказав это, он двинулся вперед.

Людей действительно было много, все толкались, царил полный хаос.

Благодаря своей худощавой фигуре Нин Цзюэ удалось понемногу пробраться внутрь, и после немалых усилий он наконец смог разглядеть красный лист, определявший судьбы стольких людей.

На красной бумаге черной тушью было выведено три больших иероглифа: Список Милости и Почета. Ниже, справа налево, располагались списки: первый, второй и третий разряды.

В первом разряде — три имени, во втором — двадцать, в третьем — пятьдесят. Всего семьдесят три человека — гораздо меньше, чем в прошлые годы.

В тесноте Нин Цзюэ с первого взгляда увидел свое имя. В первом разряде, в одном ряду, значились: Лу Ицзэ, Нин Цзюэ, Су Юй.

Сердце забилося с оглушительной силой. Несмотря на то, что он был готов к любому исходу, Нин Цзюэ был поражен. Он думал, что попасть во второй или третий разряд — уже успех, но никак не ожидал оказаться в первом.

Развернувшись, он тихо вышел из толпы. Хотел было уйти, как вдруг поднял голову и увидел управляющего Ли.

Тот оказался глазастым, подбежал к Нин Цзюэ в два счета и отвесил низкий поклон:

— Поздравляю вас, молодой господин! Радостная весть! Вы в первом разряде, добились того, к чему стремились!

Нин Цзюэ слегка кивнул, не проронив ни слова. Управляющий Ли неловко улыбнулся, окинул взглядом его одеяние и спросил:

— Молодой господин, где вы сейчас остановились?

Понимая, что у того на уме, Нин Цзюэ холодно ответил:

— Где я живу — вас не касается. А что вы хотите сказать — я слушать не желаю. Прощайте.

Он отвесил формальный поклон и тут же развернулся, чтобы уйти.

— Молодой господин... — громко позвал управляющий Ли, пытаясь его удержать, но юноша не замедлил шага. Выйдя из толпы, он сел в карету, занавески опустились, и между ними

пролегла непреодолимая дистанция.

У входа в резиденцию Четвертого принца Ань Чунье, облаченный в роскошные фиолетовые одежды, стоял на ступенях. Он только что вернулся из Управления наказаний и от слуг уже узнал результаты экзамена.

Как только Нин Цзюэ вышел из кареты, он поднял голову и увидел, как юноша с улыбкой ждет его.

— Ваше Высочество.

Вокруг были люди, поэтому он назвал его только так.

— С возвращением! — улыбка Ань Чунье стала еще шире.

Хорошо, что он решил вернуться в резиденцию.

Нин Цзюэ шаг за шагом поднялся по ступеням. Когда он подошел к Ань Чунье, то произнес:

— Я в списке.

— Я знаю.

— И Ваше Высочество знает, какое место я занял?

— Первый разряд, тройка лучших, — Ань Чунье посмотрел на него, и его взгляд заструился, как вода: — Поздравляю, А-Цзюэ.

— Спасибо.

В огромном Цзинду он услышал самое желанное поздравление:

— Чжифэй, спасибо тебе.

Они вместе вошли в резиденцию. Нин Цзюэ мало кого знал в столице, и никто больше не поздравил его, поэтому Ань Чунье приказал накрыть стол с лучшим вином и яствами в Ланьюэ Люфан. Благословение нынешнего Четвертого принца стоило тысячи поздравлений от других.

— Опять вино? — Нин Цзюэ нахмурился, глядя на два белых нефритовых кувшина на столе. Ему нельзя было пить.

— Сегодня такой радостный день, разве можно без вина?

Ань Чунье взял кувшин и наполнил две чаши. Алое вино, переливаясь в свете ламп, выглядело очень эффектно:

— Это виноградное вино, от него не хмелеют.

В прошлый раз в Яньюэлоу он действительно не опьянел. Нин Цзюэ подумал, что раз они в резиденции, то ничего страшного, если он немного выпьет.

Чокнувшись чашами, Ань Чунье сказал:

— Желаю А-Цзюэ, чтобы впредь твоя карьера была гладкой и шла только вверх.

— А я желаю Чжифэю великих свершений и исполнения всех желаний.

Они выпили до дна. Пусть все желания исполнятся.

На столе было полно деликатесов. Нин Цзюэ ел и пил. За те два с лишним месяца, что он провел в Цзинду, этот день был самым счастливым.

Ань Чунье был весьма снисходителен и составлял ему компанию. В комнате никого не было, они вели себя непринужденно. Когда два кувшина опустели, Нин Цзюэ, подперев голову рукой, поднял чашу, наклонил её, и красная струйка потекла вниз — часть попала в рот, а часть намочила воротник.

Ань Чунье наблюдал за этой соблазнительной картиной, его взгляд переместился с покрасневших мочек ушей на шею, испачканную вином.

Он опьянел. Его голова по-прежнему плохо держала вино.

— А-Цзюэ, хватит пить, — Ань Чунье протянул руку, желая забрать чашу.

Нин Цзюэ крепко сжал её, глаза его затуманились:

— Хочу еще. Такой редкий повод для радости.

Он никогда не позволял себе расслабиться, и сегодня, когда ему так хорошо, он не хотел сдерживаться.

— Но ты ведь пьян.

Ань Чунье не боялся, что он напился, он лишь беспокоился, что завтра ему будет плохо:

— Завтра будет болеть голова.

— Не боюсь.

Нин Цзюэ слабо улыбнулся:

— Пей сегодня, пока есть вино, а о завтрашней печали подумаем завтра.

Он хотел налить себе еще, но, взяв кувшин, обнаружил, что тот пуст.

— Чжифэй, вино кончилось, — он потряс пустым кувшином.

— Выпили. В следующий раз я куплю тебе еще, — мягко пообещал Ань Чунъе.

— Ладно.

Нин Цзюэ пробормотал что-то и опустил кувшин. Он был в полузабытьи: сознание оставалось ясным, но голова кружилась, лица плыли перед глазами, и он едва держался на ногах.

<http://bllate.org/book/21783/2252441>